

Мария Козьякова

Повседневность Средневековья

Мария Ивановна Козьякова
Повседневность Средневековья
Серия «История и наука Рунета»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69138052

Повседневность Средневековья: АСТ; Москва; 2023

ISBN 978-5-17-154880-3

Аннотация

Разбирая «повседневность», мы говорим о мире искусственных феноменов, о созданной людьми искусственной среде существования. Интерес к реалиям давно ушедших эпох с их бытом и нравами, поиски утраченных корней, практика реконструкций...

Исследования «повседневности», рассказы о ней подразумевают подход к миру человека и самой его жизни как к ценности – не даром, говоря о возвращении в повседневность, исследователи культуры называют эту тему «возвращением домой».

Книга «Повседневность Средневековья» предназначена для всех интересующихся историей культуры повседневности. Её цель – показать становление западноевропейской цивилизации, путь, проложенный на уровне повседневного. Внутри аккуратно собраны факты, подтверждённые научным авторитетом известных отечественных и зарубежных специалистов.

Козьякова Мария – доктор философских наук и культуролог. В своей книге она приоткроет завесу тайны над бытом людей, живших в Средние Века.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Знакомство, или введение	6
Глава I	33
Раннее Средневековье	35
Высокое Средневековье	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Мария Козьякова

Повседневность

Средневековья

© Козьякова М.И., 2023

© Издательство АСТ, 2023

Знакомство, или введение

Здравствуйте, дорогой читатель!

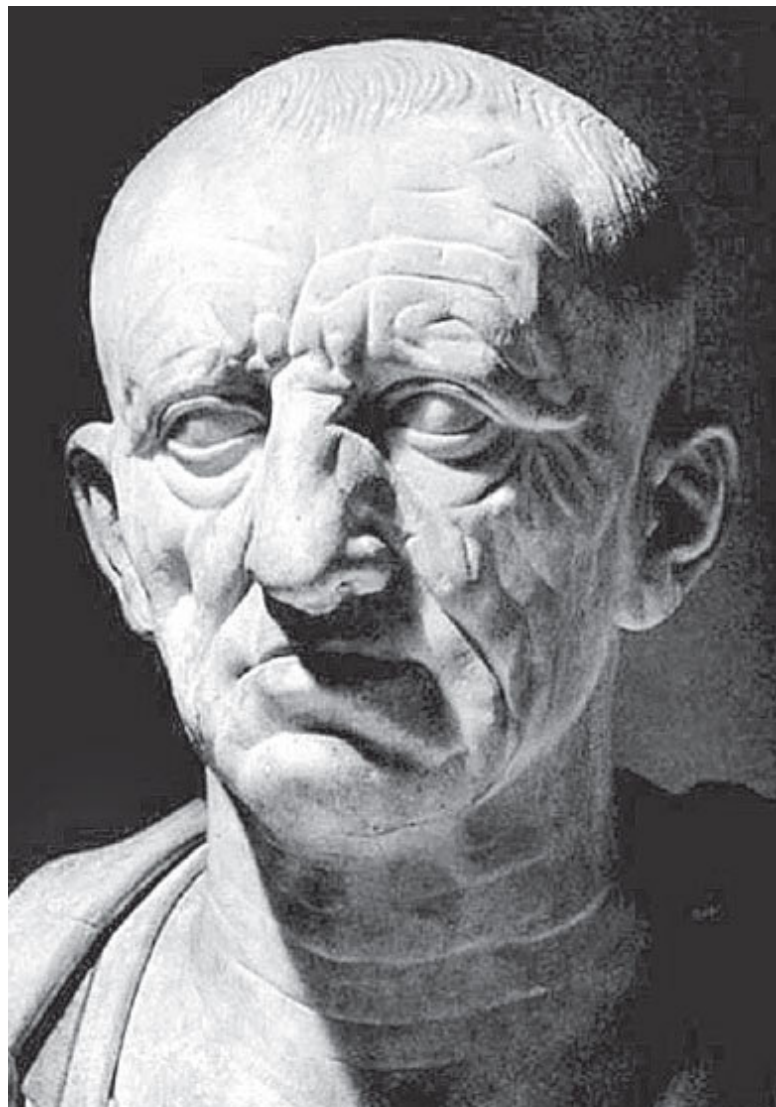
Для первого знакомства необходимо представиться. Эта книга приглашает Вас совершить путешествие в чужой и чуждый, странный мир Средневековья, познакомиться с ним и поговорить о нашем далёком прошлом. Нашем ли? Это ещё вопрос. Конечно, было и нечто общее у русского и европейского Запада, собственно европейские черты и характеристики жизни того далёкого времени были едиными, но много было и отличий. Так что лучше, во избежание путаницы, сразу же определить, что говорить мы будем исключительно о средневековом Западе.

И ещё необходимо сделать целый ряд пояснений, чтобы избежать неожиданностей и чтобы чтение могло доставить максимум удовольствия, удовлетворив такой естественный интерес к прошлому. Собственно говоря, любая рассказанная история – это путешествие на машине времени. Поскольку наше путешествие виртуальное, оно будет безопасным и даже приятным – совсем не таким, каким оно было бы в реальной жизни. Книга, великое создание «Гутенберговой эры», позволит нам совершенно безопасно приблизить к себе те незапамятные времена. Возможно, совершаться сие путешествие будет с комфортом, поскольку «путешественник» сможет удобно и уютно расположиться с книгой на диване.

Следует, конечно, остановиться на содержании этого рассказа. Давно уже канули в прошлое те дивные времена, когда получить знание, информацию можно было, просто слушая пение неких рапсодов или аэдов, сказителей древних эпических поэм и всевозможных саг. В Новое время их заменили магистры и профессора, вещавшие с университетских кафедр. И сейчас во всех гуманитарных университетах, конечно, преподаётся история, в том числе история Европы. Более того, она преподаётся и в школах. Тематика этого курса, однако, достаточно ограничена, и к тому же далеко не все читатели заканчивали университеты или же исторические факультеты. И поэтому нам необходимо данное предисловие. Оно позволит читателю со знанием дела обращаться с расплывчатым, но весьма популярным в нашей жизни термином «повседневность».

Обычная жизнь людей в тот или иной период времени – это повседневная жизнь. Но с самим понятием «повседневность» возникает масса проблем и трудностей, хотя повседневность принадлежит к наиболее значимым сферам культуры, представляет собой базисную, фундаментальную структуру. Культура повседневности – казалось бы, чего проще... Однако культура в обычном, бытовом понимании – это искусство, философия, идеи и идеалы, нечто высокое, а повседневность – некая низменная проза жизни. О чём же пойдет речь? Культура повседневности – это ли не парадокс, оксюморон, сочетание противоречащих друг дру-

гу, несовместимых понятий? Давайте разбираться.

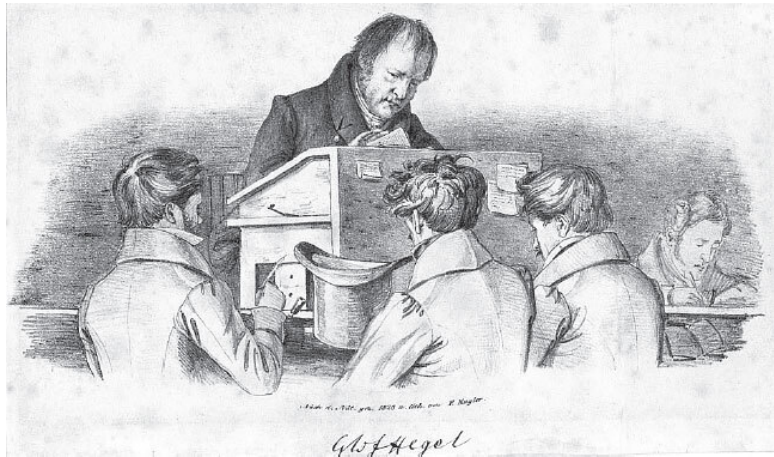
Бюст римлянина из Отриколи, который традиционно отождествляют с Катонем Старшим. *80-е годы до н. э.*, Рим, музей Торлония

На протяжении длительного времени понятия «культура» и «повседневность» существовали автономно. Их пути не пересекались ни в научных трактатах, ни в обыденном представлении, и потому долгим и тернистым был их путь навстречу друг другу. Впервые слово «культура» встречается в античности, у Марка Порция Катона Старшего, цензора Римской республики. В его трактате о земледелии – одном из самых древних, ранних произведений на латинском языке – говорится об агрикультуре как о возделывании земли, уходе за ней.

С XVII века понятие «культура» существует как термин, как самостоятельная дефиниция. В классической философии она рассматривалась как результат просвещения, как цвет бытия народа, изящный, но бренный и хрупкий – в частности, у Й. Гердера. И. Кант, рассуждая о ней, апеллировал к нравственному совершенству и долгу. В идеалистической философской системе Г. Гегеля она представлена как некий высокий уровень абстракции. С другой стороны, культура в его представлении тесно связана с духом народа и потому выступает в форме творений, создаваемых этим народом. Гегель выделяет культуру «теоретическую» и «практическую», моральную и интеллектуальную, закладывает куль-

турную иерархию, говоря о «высших» и «низших» культурах. Далее ученые приходят к выводу о расширении смысла понятия «культура»: её противопоставляют природе. Эта идея оказалась плодотворной, особенно для изучения повседневности, поскольку она определяла культуру в её максимально широком, антропологическом, то есть человеческом ключе: «...природа есть совокупность всего того, что возникло само собой... Противоположностью природе в этом смысле является культура как нечто, что непосредственно создано человеком».

Двойственность и даже поляризация смыслов прослеживается и в истории её появления на отечественной почве, в происходящей с ней эволюции. Как отмечают исследователи, понятие «культура» получает в России распространение в первой половине XIX века. Оно первоначально бытует в тех кругах интеллигенции, которые были связаны с образовательной или издательской деятельностью: в среде литераторов, издателей, в профессорско-преподавательском корпусе.

Литография Ф. Куглера. Гегель с берлинскими студентами. 1828

Смысловая аура понятия «культура» весьма близко соприкасается, а то и отождествляется с понятиями «образование», «воспитание», «просвещение». Именно в этом смысле трактовали культуру русские философы, заложив тем самым традицию её использования в среде русской интеллигенции. Например, у В. Соловьева она связана «с миром божественного», а у Н. Бердяева – с сакральным культом, традициями, с «жизнью религиозной»; к тому же он считал, что культура «аристократична» по своей сущности. У И. Ильина она «духовна по своей природе», а у К. Леонтьева она есть «система отвлечённых идей». В трактовке символистов культура по-

нималась так же однозначно – исключительно как духовная.

Иная линия интерпретации феномена культуры идёт от социальных реалий отечественной истории. Необходимость повышения культурного уровня народных масс была провозглашена насущной задачей после Октябрьской революции, в период так называемой социалистической культурной революции. Тем самым был дан старт широкому распространению этого понятия в обиходной речи и одновременно его трансформации как системы норм и правил поведения, как определённого интеллектуального стандарта: «культурный человек», «культурное поведение».

Данный процесс происходил одновременно с утверждением в качестве официальной идеологии марксизма с его приматом материального производства. И потому в обществе закрепились понятия «культура производства», а также такие гибриды, как «физическая культура», «правовая культура». В планово-хозяйственной системе СССР сложилась практика применения данного термина в узкоотраслевом смысле: культура как отрасль народного хозяйства. К ней, помимо искусства, относились библиотеки, музеи, клубы и другие учреждения непродушевленной сферы, выполнявшие образовательные, воспитательные, рекреационные функции. Утверждается уникальный отечественный термин «учреждение культуры». Естественно, феномен повседневности с присущими ему характеристиками тривиальности и рутины не мог быть соотнесён ни с высокими творческими

достижениями интеллектуальной или художественной деятельности, ни с идеалом культуртрегерства.

В свою очередь, повседневность как важнейшая и «вечная» тема культуры также имеет длительную историю. В различные исторические периоды она воспринималась и оценивалась по-разному. Начиная с эпохи Возрождения повседневность получает сословный характер и оценивается как характеристика низших сословий. У просветителей она обретает вообще негативный оттенок: в духе приоритета Разума, всего рационального они противопоставляют природу и человека, чувства и разум. Этот «разрыв» реальности, резкое и жёсткое противопоставление природы и человека, существовавшее на протяжении двух столетий, входит в идею Прогресса. Прогресс достигается усилиями людей, и человек предстает творцом и демиургом, призванным перестраивать жизнь в соответствии со своими гражданскими, нравственными идеалами. Ориентируясь на мир логики и порядка, прогрессистский идеал отрицал бытовой план человеческого существования. Место повседневности было определено в одном ряду с дремучей патриархальностью, стало синонимом невежества и суеверия.

Эти идеи правили бал и в XX веке, отсюда во многом исходила тоталитарная практика. Разрушался «старый мир», строился «новый», имеющий определенный план, структуру, порядок. Мир повседневности, «жизненный мир» человека в широком смысле был презираем, он воспринимался

как заведомо более «низкая» сфера, которая должна быть «преодолена», «реорганизована» на основе теоретических моделей. Однако то, чем пренебрегали, оказалось чрезвычайно важным для природы человека, для общества и культуры. Кризисные явления мировой истории заставили по-иному взглянуть на многие ранее незыблемые теории.

Трансформация в отношении к этой теме относится уже ко второй половине XX века. Попытки преодолеть кризис европейской науки, критика техногенной цивилизации вновь побудили обратиться к традиционалистским ценностям, среди которых было внимание к бытовому плану как к важнейшему аспекту человеческого существования. Восстанавливается доверие к реальности: реалии быта, обыденное сознание, предметная среда, окружающая человека, осознаются как культурная ценность.

«Жизнь как она есть», «жизненная стихия» привлекает всё больший интерес специалистов, появляются новые направления исследований: история повседневности, эстетика повседневности, социология повседневности. К примеру, исследования историков и культурологов школы «Анналов», одной из самых влиятельных в области исторической науки, дали толчок формированию таких научных направлений, как история семьи и брака, история питания, отношение к смерти (танатология). Этот интерес продолжает существовать и в настоящее время: публикуется масса исследований, популярных книг о повседневной жизни.

Что же такое повседневность? Речь идет о мире искусственных феноменов, о созданной людьми искусственной среде существования. Повседневность тождественна наиболее общей, максимально расширенной тематике, то есть описанию и классификации всего «человеческого, просто человеческого». А в более узком смысле искусственность «человеческого» понимается как сфера символического пространства. «Область культуры – всегда область символизма», – писал известный учёный-культуролог Ю. Лотман.

Повседневность называют сферой «непосредственно переживаемой истории», – такова формулировка историка и культуролога Г. Кнабе: то, что стало теперь прошлым, было когда-то повседневной жизнью людей, некой обыденной привычностью вещей и поступков, ситуаций и чувств. Толковые словари определяют повседневность как нечто ежедневное, постоянное, обычное. Она способна накапливать, аккумулировать прошлый опыт, запечатлевая его в виде естественной данности, и передавая затем, как эстафету, – будущим поколениям. И в то же время она изменчива, подвержена разного рода влияниям – каждая эпоха говорит на своём языке.

В пространстве жизни отдельного человека бытовая повседневность – заданная константа, так же, как время и место, где довелось ему родиться. Быт – это обычаи, привычки, модели ежедневного поведения, тот жизненный уклад, который определяет распорядок дня, время различных заня-

тий, характер труда и досуга, формы отдыха, правила любовной игры и ритуал похорон. Они имеют социальную окраску, разнятся в зависимости от той социальной группы, к которой принадлежит человек. Это обычная жизнь, «вещи, которые окружают нас, наши привычки и каждодневное поведение». Именно по поведению, по обычаям узнаём мы «своего» и «чужого», человека той или иной эпохи, той или иной нации, – так характеризует быт Ю. Лотман.

Иллюстрация одной из рукописей в библиотеке Бейнеке, Йельский университет

Самому современнику мир окружающей его повседневности незаметен, он естественен, как собственная кожа, как воздух, которым он дышит. Его своеобразие оценивается постфактум, при неких трансформациях, в которых утрачи-

вается привычный обиход. Чужим для данной среды обитания будет являться иностранец, турист или путешественник, в силу тех или иных причин оказавшийся в непривычных для него условиях. Посторонним наблюдателем оказывается и историк, пытающийся реконструировать прошлое.

Из всего многообразия исторических тем, направлений, областей изучения, будь то политика, экономика, религия или искусство, повседневность наиболее тяжело поддаётся реконструкции. Историческая реконструкция опирается на письменные источники, все прочие артефакты нуждаются в длительном и сложном процессе расшифровки, что затрудняет достоверность, одновременно расширяя границы для всевозможных фантазий, домыслов и спекуляций. Повседневность наиболее полно запечатлена в самом верхнем, наиболее привилегированном социальном слое, менее – в письменной традиции других слоёв. Особенно упорно хранит свои тайны «молчаливое большинство», не владевшее письменностью, не оставившее о себе письменных свидетельств. Лишённое письменности, оно говорило на языке поведения, жеста, суеверия. В летописях, хрониках и анналах, других документальных свидетельствах чрезвычайно редко встречаются описания жизни низов: презренная низменная жизнь беднейших сословий, с точки зрения летописцев, не представляла никакого интереса и потому не заслуживала упоминания.

Кроме того, повседневные практики создаются коллек-

тивной традицией, а творчество в этой сфере всегда безымянно, в отличие от творений, чьи авторы нам известны, чьи имена остались в истории. Единичное «Я» здесь растворяется в массовом, в стереотипах поведения или языковых клише, в господствующих стилях жизни и способах времяпрепровождения. Всё это «потребляется» в известной степени бессознательно, и специфические особенности того или иного времени могут вообще не осмысливаться. Это знание «бесхозно», по своим характеристикам оно не может никому принадлежать. «Ничейное» знание, однако, является важнейшим указателем для идентификации, оно удостоверяет этническую, религиозную, социальную принадлежность как человека, так и общества в целом, надёжность его постоянно удостоверялась всеми историческими фактами.

Повседневность, превратившись, наконец, в один из ключевых объектов современного гуманитарного знания, в различных научных школах трактуется неоднозначно. Мы не будем вторгаться в эти научные споры, остановимся на том, что является общим, бесспорным. «Неуловимая» и «ускользающая» от точных научных определений, повседневность играет в основном роль регулятора в отборе материала. Данная категория функционирует как некие «рамки», «ворота», «рамочный синдром», позволяя включить в себя неспециализированную, непрофессиональную деятельность, обыденное сознание и бытовую материально-вещественную среду. Ядро её смысла составляет тривиальность, стереотипность

некоего регулярно повторяющегося действия, бытовой вещественной формы, становящихся в силу этого привычными, заурядными, обыденными. Повседневность – автоматическая, нерerefлектируемая очевидность, мир «естественной установки», «стихийности бытия» с её бесконечной вариативностью мелочей, неуловимых и ускользающих от внимания исследователей. И в то же время она – «продукт социального конструирования», где действует логика практики, как отмечала Н. Козлова.

В таком наиболее общем понимании, в таком аспекте повседневность целиком и полностью может быть отнесена к культурологической тематике и мы можем определить её как содержание совместной жизни и деятельности людей. А дальше следует учесть пресловутый «рамочный синдром»: надо исключить из совместной жизни то, что к бытовизму не относится, – профессиональную деятельность, художественные и раритетные, особо значимые артефакты, а также исторические формы общественного сознания, то есть искусство, религию, политику и другие. Речь пойдёт о человеческой жизнедеятельности, и пониматься она будет не в биологическом, а в социальном и культурном смысле, когда люди «вообще функционируют», писал историк-медиевист Ж. Ле Гофф. Повседневные человеческие практики и делают человека человеком, формируя и оттачивая его человеческие качества.

Мастер Дрезденского часослова. Пирушка. 1515

Повседневность уподобляется «жизненной стихии», наглядно показывая свою асобытийность: мелкие факты, едва заметные во времени и в пространстве, повторяясь, обретают всеобщий характер, распространяются на всех уровнях общества, характеризуя его, бесконечно его увековечивая. Именно эта «бесконечность» и делает повседневность

внеисторичной: она расплывчата и неопределённа, и традиционная событийная история только «держит» эту субстанцию своим временным интервалом, почти не влияя на неё. С точки зрения «жизненного мира» культура предстает не как событие, а как процесс. Событие, являющееся краеугольным камнем традиционной истории, исчезает, растворяясь в энтропии повседневного. Более всего для её описания подойдёт обоснованная Ф. Броделем и используемая школой «Анналов» категория длительного исторического времени – *Longue duree*.

А сейчас обратимся к нашему времени. Начало информационной эпохи связано с интенсивным развитием принципиально новых информационных технологий. На их основе складывается экранная культура, центром которой является экран как завершающий элемент сложнейших электронных устройств. Экран телефона, телевизора, компьютерный монитор представляют собой важнейшее средство и одновременно условие получения информации. Большие и маленькие – огромные киноэкраны и электронные табло, которые устанавливаются в местах большого скопления людей, миниатюрные дисплеи навигатора и мобильного телефона, экраны телевизора и мониторы компьютера, дисплеи в банкоматах и платёжных терминалах, в уличной рекламе, – они окружают нас повсюду, выступая посредниками в повседневной жизни. Экран, экранная культура рожают нашу современную виртуальную реальность, имеющую противо-

речивый, парадоксальный характер. В настоящее время она воспринимается как важная, неотъемлемая часть жизни общества, его обычная среда.

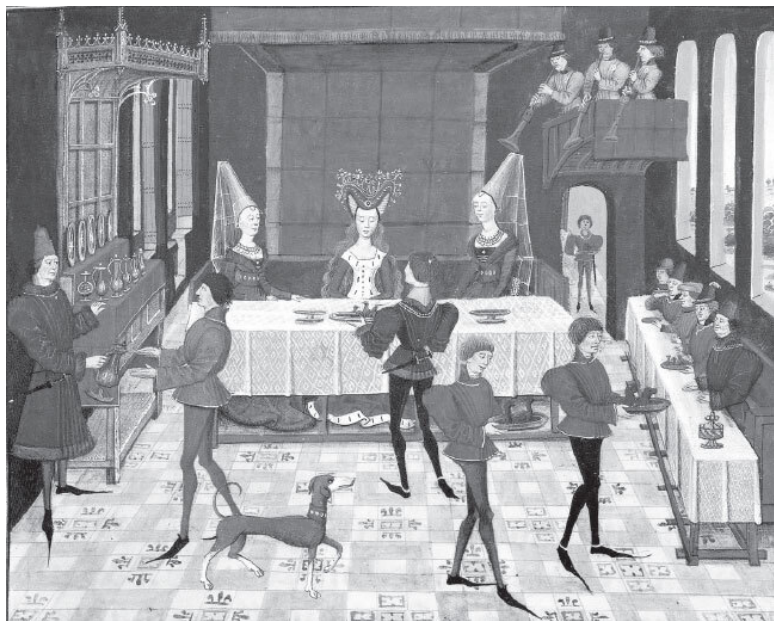

Французский историк Фернан Бродель

Массовая экранная культура особым образом влияет на восприятие людей: образ мира формируется на основе доступа к визуальным информационным каналам и таким образом возникает «двойной смысл реальности» – в виде фактически протекающей и в виде виртуальной, которая способна упразднить, подменять, исказить фактический материал. Трансформируя сущность вещей или явлений, она тем не менее может производить впечатление особой достоверности. Что знаем мы о «тёмных веках», как представляем себе средневековую жизнь? Главным образом так, как показывают фильмы.

Искусственно смоделированный мир кинематографа имеет массу преимуществ перед книгой. Воздействие экрана волшебное и необъяснимо: движущиеся картинки приковывают к себе внимание, привлекают, притягивают зрителя, который может следить за происходящим на экране только лишь потому, что там просто что-то происходит. Действие на экране воспринимается не логически, но эмоционально. Экран значительно усиливает эмоциональный эффект, поскольку синтезирует звук и изображение, использует акустический и визуальный каналы восприятия. Такое комплексное воздействие максимально эффективно: картинка, образ не требуют осмысления, они могут воздействовать непосредственно на подсознание, минуя все интеллектуально-логиче-

ские барьеры.

Фрагмент из книги Реньо де Монтобана. 1300–1320

Особенность сферы искусства – это «высокая магия». Признание магического, «одурманивающего» действия кинематографа стало практически общим местом. Кинематограф и телевидение создают собственную реальность, конструируя фантастический мир зрительных образов и событий. В них событийный ряд, герои наделяются таким содер-

жанием и качествами, существование которых невозможно в окружающей человека физической реальности.

Компьютерные технологии позволяют моделировать не только отдельные образы, но и различные пространства, новые фантазийные миры, равные по силе убедительности реальному миру. Идут звёздные войны, летают драконы, сражаются эльфы и гномы – кинематограф стирает границы между реальным и виртуальным миром. И мы почти верим в эту игру. Игровой приманкой служит небывалая свобода, возможность преодоления барьеров физической реальности, вроде путешествий в прошлое. Конечно, сам виртуальный мир становятся ценностью только для той аудитории, которая готова воспринимать его условность, эфемерность этой среды.

Исторические фильмы чрезвычайно популярны. Прекрасный пример – квазиисторическая эпопея борьбы за Железный Трон в американском телесериале «Игра престолов», основанном на цикле романов «Песнь Льда и Огня» Дж. Мартина. Сериал считается самым дорогостоящим в жанре фэнтези, одним из самых крупнобюджетных проектов на современном американском телевидении. Отличаясь огромным количеством персонажей, разнообразием сюжетных линий, он впечатлял зрителей своими фантастическими существами – драконами и мертвецами, натуралистическими убийствами, эротическими сценами, а также искусственными языками и диалектами, снабжёнными ненормативной

лексикой. Тем не менее, несмотря на фантастичность фабулы, многие эпизоды фильма хорошо показывали средневековый нарратив, погружая зрителя в обстановку «тёмных веков».

Да, исторический фильм имеет много преимуществ перед книгой. Но и у книги есть достоинства. Она позволяет неторопливо размышлять, включает собственную фантазию читателя. Кроме того, текст, книга, чтение противопоставят такой новой напасти нашего времени, как синдрому «безвременья» у смотрящей, слушающей, читающей публики. В современном обществе исчезает ощущение временной удалённости, прошлое и будущее становятся плохо различимыми, поскольку электронные технологии создают собственное время. Они, как некогда писал известный учёный М. Маклюэн, низвергли господство времени и пространства, и нет уже между ними единства.

На простом, бытовом уровне современные массмедиа фиксируют внимание не на прошлом или будущем, а на сиюминутной событийности, на проживании исключительно текущего момента: здесь и сейчас, сегодня. Мир в результате становится «ускользающим» – и «ускользающим» становится восприятие времени: утратив свою целостность, оно дробит единое русло бытия на множество произвольных течений. Становясь обычной, эта ситуация преодолённого, «поверженного» времени формирует особое отношение к жизни, в наибольшей степени проявленное у новых поколений,

привычных к тому, что индивида ставят в центр вселенной. Современная молодёжь обладает так называемым вневременным сознанием, плохо ориентируется в исторической событийности. Для неё исчезает временная дистанция: это происходит за счёт впечатляющей наглядности исторических фильмов, всевозможных ретроспективных реконструкций. Что монголо-татарское нашествие, что петровские реформы или же Великая французская революция – всё едино, всё находится на расстоянии вытянутой руки, нажимающей кнопки на телевизоре или ноутбуке. Самый удалённый временной период требует для «погружения» в него всего лишь похода в кинотеатр или же к зрительской трибуне.

Эпоха постмодерна, однако, сложна и противоречива, она создаёт диаметрально противоположные тренды, как будто спорит сама с собой. Ответом на грозящее обществу безвременье стала своеобразная «тоска по истории», идеи «ретро». Реставрационные мотивы, всевозможные ретроспективы, возрождающие исторический нарратив, становятся модой. Классика обретает особую ценность в качестве исходного материала для его препарирования, будь то литературные произведения, классическая музыка, картины старых мастеров. Ремейки и парафразы, реплики и репризы получают признание публики. Повышенное внимание к своему прошлому, интерес к реалиям давно ушедших эпох с их бытом и нравами, поиски утраченных корней обуславливают разнообразные реставрационные шоу, попытки воссоздания исто-

рической среды. Практика реконструкций активизирует как серьёзную, так и ироничную игру «в историю» – с переодеванием в красочные костюмы, с сооружением стилизованных декораций.

И этот интерес вселяет надежду, это правильно, ведь настоящее всегда прорастает из прошлого, определяясь им так же, как будущее определяется настоящим. Исследования повседневности, рассказы о ней подразумевают подход к миру человека и самой его жизни как к ценности – недаром, говоря о возвращении в повседневность, исследователи культуры, историки и социологи называют эту тему «возвращением домой». Человек нуждается в ней как в своей естественной «среде обитания»: вновь и вновь возвращаемся мы в свою повседневность, обретая самих себя. Длющаяся бесконечно, она повторяется из века в век и от поколения к поколению, медленно эволюционируя вместе с самим человечеством.

Вот и эта книга предназначена для всех читателей, интересующихся историей культуры. В ней аккуратно собраны факты, подтверждённые научным авторитетом известных учёных, автор опирался на признанные в научном мире исследования, принадлежащие отечественным и зарубежным специалистам. Что же касается определения всего Средневековья как «тёмных» веков, то это выбор автора, его своеволие, ведь традиционно название «Тёмные века», данное некогда Ф. Петраркой, относилось исключительно к раннему Средневековью.

Итак, цель данной книги – показать становление западноевропейской цивилизации, её историю, прослеженную на уровне повседневного. Этим путём автор предлагает пройти читателю нашей книги.

Глава I

Раннее и высокое Средневековье

Своеобразный Рубикон, отделяющий Античность от Средневековья, – крушение Римской империи. Следует тут же отметить, что под ударами варваров пала только западная часть империи. Восточная часть, под названием Византия, просуществовала ещё без малого тысячу лет и была самым крупным, богатым и могущественным государством этого региона. В неё входили территории, располагавшиеся на трёх континентах, поэтому она служила естественным мостом, соединявшим Запад с Востоком и Югом. Что же касается Запада, то, по традициям отечественной историографии, хронологические рамки западноевропейского Средневековья охватывают более одиннадцати столетий. Эта эпоха делится на три периода: раннее (VI–IX вв.), высокое (X–XIV вв.), позднее (XV–XVI в.) Средневековье. В зарубежной историографии наступление Нового времени датируется, как правило, серединой либо концом XV – началом XVI вв. В эти временные периоды произошли события, эпохальные по своему значению: открытие Америки, захват турками Константинополя и крушение Византии, начало Реформации. Иная периодизация в истории искусства: период Средневековья считается завершённым на рубеже XIV–

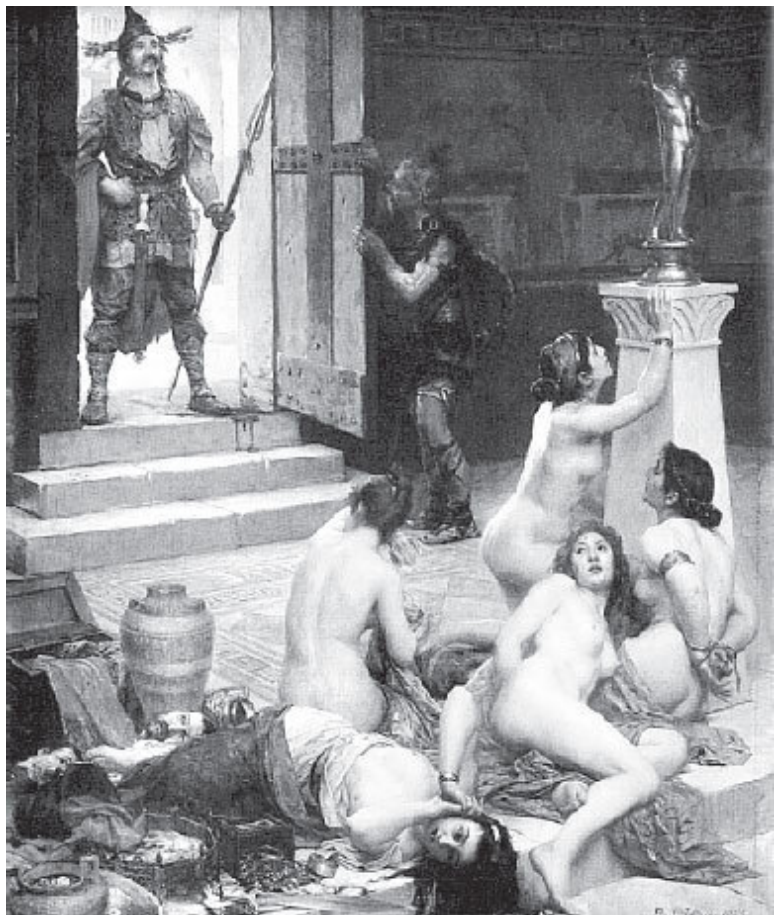
XV вв., с началом эпохи Возрождения.

Раннее Средневековье

В последние столетия своего существования римский мир как внешне, так и внутренне варваризируется. Период IV–VII вв. называется эпохой Великого переселения народов, среди которых доминировали германские, тюркские, славянские и угро-финские племена. Границы размываются как течением внутренних процессов, так и волнами варварских нашествий, приносящих иной социальный опыт, чуждые римлянам племенные законы и нормы, осколки этнических культур. Мешая их в некий однородный субстрат, эпоха Великого переселения народов готовила почву не только для недолговечных социальных образований – варварских королевств, но и для последующего рождения средневековой Европы. Наконец, размытая окончательно, римская античность исчезает вместе с остатками имперских государственных структур; на их месте воцаряется стихия хаоса, беспредельного господства силы в самых грубых и варварских формах.

«Право сильного» получает абсолютное значение в той форме, в которой некогда галльский вождь Бренн впервые дал его классическую формулировку: «Наше право мы носим на конце нашего меча». Оно было воспринято Европой в наиболее простых, brutальных формах, которые заменили изощённую казуистику римского права. Как следствие, его

неизбежным эпилогом звучит сакраментальное «Горе побеждённым!». Раннее Средневековье, безусловно, по праву было названо «тёмными веками»: этот образ даёт глубокую и точную характеристику почти пятисотлетнего перехода, слома старых структур и рождения новых. Свет античной цивилизации погас, и Европа погрузилась во тьму, ставшую закономерным финалом того количественного и качественного упадка и регресса, которые наметились в поздней Античности.

Поль Жамен. Бренн и его часть трофеев. 1893

Наступает период социальной анархии и дезинтеграции:

распадаются социальные структуры, рвутся политические, общественные, культурные связи. В мире, освобождённом от социальных, моральных, религиозных, правовых норм и запретов, открывается дорога самым диким, разнузданным инстинктам, безудержному насилию и деспотизму, рождается особый, крайне опасный вариант тотальной свободы. Лишённая своего социального и культурного основания, всех норм, условностей, регламентаций, она превращается в чёрную дыру, в которую моментально проваливается всё, относящееся к цивилизации, всё созданное, наработанное, усвоенное за тысячелетие человеческой истории. «Война всех против всех», стихия уничтожения поглощает культурный универсум, находя главных адептов среди сильных мира сего.

Аксиология насилия вырастает из мортальных доминант, сопрягая прекрасное и героическое с пафосом уничтожения. Как доказательство – поучения матери своему сыну, варварскому королю, донесённые до нас хронистом VII в. Фредегаром: «Если хочешь стать на путь подвига и прославить своё имя, разрушай всё, что другие построили и уничтожай всех, кого победишь... нет подвига белее прекрасного для обретения славного имени». Именно через искус свободы как разрушения проходят народы и цивилизации на крутых виражах своего исторического развития, во времена революций, смут, восстаний, других масштабных социальных катаклизмов. В опасные периоды перехода именно этот пласт дико-

сти и регресса вдруг вырывается наружу из глубин «коллективного бессознательного», – как писал К.Г. Юнг.

Пройдя этот этап, средневековый мир выстраивает собственную систему координат: трансформируются социальные структуры, видоизменяется быт, психология, ценностные установки. Европейская цивилизация теперь – это маленькие оазисы посреди лесной пустыни, замкнутые мирки людей, существующие среди девственной природы, – «люди, живущие на лесных прогалинах», по определению М. Блока. Большинство населения балансирует на грани выживания, жизнь страшно хрупка. Высокая рождаемость и высокая смертность взаимно нивелируются, крайне незначительный естественный прирост населения готов в любой момент смениться его убылью вследствие голода, болезней и войн – так называемой триады бедствий. Иногда к триаде смерти добавляли четвёртый фактор: «Война, голод, болезни и звери как четыре меча неистовствуют во всём мире...» – писал современник.

Своих наиболее зрелых, типических форм средневековая жизнь достигнет в период высокого или развитого, классического Средневековья. Сейчас же она находится в становлении, поскольку варварские племена, придя на территорию, принадлежавшую ранее великому Риму, «оседают» на землю, начинают колонизировать это пространство. Одновременно происходят социальные преобразования, появляются новые социальные группы и слои.

Процесс рождения феодальной Европы составляет содержание раннесредневекового этапа. Цивилизация средневекового Запада – итог встречи и слияния двух миров, «римских и варварских структур, находившихся в состоянии преобразования», писал известный французский историк Ж. Ле Гофф. Средневековая общественная система – феодализм. Одна из важнейших её характеристик – монополия господствующего класса на землю. Своё название феодализм получил от «феода» – формы условного земельного владения. Феод противостоит аллоду как «чистой» земельной собственности, не обременённой никакими условиями. Долгий процесс трансформации земельной собственности, процесс расслоения свободного населения и формирования феода составляет глубинное содержание этого времени. Всё остальное – историческая канва, которую предстоит сейчас рассмотреть...куда же без истории!

Итак, обратимся к истории. У свободных германцев власть принадлежала народному собранию, совету старейшин и военному вождю племени – конунгу, у славян – князю. Особую роль в жизни племени играли воинские образования дружины. С середины IV в. среди варваров начинается распространение христианства. За исключением франков, сразу же принявших христианство в его католической форме, большинство германских племен познакомилось с ним через арианство. После падения Римской империи на её территории было создано несколько варварских королевств. Италию

и ряд соседних областей в конце V в. завоевали остготы Теодориха Великого. Эти политические образования оказались нежизнеспособными, за исключением Франкского государства.

Франкское государство Меровингов, возникшее в конце V в. в Северной Галлии, представляет собой так называемую северофранцузскую модель феодализма, условно принятую историками за эталон. В первые десятилетия VIII в. существование королевства было под угрозой: захватив Пиренейский полуостров, арабы вторглись в Галлию. Их экспансию в 732 г. в решающем сражении при Пуатье остановил Карл Мартелл по прозвищу «Молот». При его внуке Карле Великом Каролингское государство переживает подлинный расцвет. Он продолжает активную политику своих предшественников: проводит реформы, предпринимает походы, жестокими мерами осуществляя «умиротворение» завоеванных территорий и их последующую христианизацию. Превратив своё государство в империю, Карл в 800 г. венчается на царство в соборе Святого Петра императорской короной. Каролингская империя объединила Западную Европу на долгое тысячелетие, вплоть до неудачной попытки объединения, предпринятой Наполеоном.

Огромная империя не представляла собой органичного целого, и потомки Карла Великого, считая королевство семейным достоянием, начали перекраивать его по своему усмотрению. Людовик Благочестивый разделил его меж-

ду тремя сыновьями, тем самым положив начало формированию трёх европейских государств: Франции, Германии и Италии – и, соответственно трёх будущих народностей. В X в. династия Каролингов прекратила существование: местная знать во Франции возвела на трон наиболее могущественного сеньора – Гуго Капета, графа Парижского. Однако в XI–XII вв. королевская власть существовала только номинально, так как наступил период феодальной раздробленности. В Германии магнаты передали власть выборному королю. Оттон I сепаратистским тенденциям знати противопоставил институт церкви, сделав его опорой королевской власти – так называемая имперская церковь. После завоевательных походов в Италию Оттон был коронован папой. Создается аморфное, искусственное образование – «Священная Римская империя», просуществовавшая несколько столетий.

Луи-Феликс Амьель. Карл Великий. XIX в.

XI век – период ожесточённой борьбы между папой и германскими императорами за политическое верховенство, известное как борьба за инвеституру, то есть за право назначать на высшие церковные должности. Папство нашло опору в клунийском движении, названном по имени монастыря в Клуни. Понтификат папы Григория VII, укрепив позиции церкви, положил начало жёсткой церковной иерархии и последующему возвышению папства.

Франческо Айец. Папа Урбан II на площади Клермона проповедует первый крестовый поход. 1835

Последним отголоском Великого переселения народов было нашествие мадьяр в X в. и военная экспансия скандинавов в IX–XI вв. – «эпоха викингов». Они грабили, опустошали побережье, разрушали города.

Высокое Средневековье

Начиная с X в. в Западной Европе происходит бурный рост городов. Они становятся центрами ремесел и торговли, представляют собой средоточие административной, военной и церковной власти. Средневековые города невелики: большими считались те, чьё население насчитывало несколько десятков тысяч жителей. В X–XIII вв. развернулось коммунальное движение – борьба городов против феодальных сеньоров за политическую независимость и самоуправление.

На протяжении двух столетий, с 1096 по 1270 гг., продолжались религиозные войны западноевропейских феодалов в Палестине, получившие название крестовых походов. Их вдохновителем и идеологом в лице папы Урбана II выступила церковь, призвав начать вооружённую борьбу с неверными за «освобождение Гроба Господня». В первом из них крестоносцы овладели рядом территорий вдоль побережья Средиземного моря и захватили Иерусалим. На завоёванных землях образовались новые государства, где установились феодальные порядки. Последующие походы не имели успеха, если не считать «успехом» для западных рыцарей, что в четвёртом походе в 1204 г. был взят штурмом, разграблен и подожжён Константинополь.

В XII в. крестоносцы постепенно утрачивают завоеванные территории, которые переходят к мусульманам, в кон-

це XIII в. пала последняя твердыня – крепость Акра. В ходе крестовых походов создаются особые организации – духовно-рыцарские ордены: рыцарей храма тамплиеров, госпитальеров и Тевтонский орден. Жёстко централизованные структуры профессиональных воинов становятся мощной силой сначала на Востоке, а затем и в Европе, где они обосновались после потери заморских владений.

Во Франции с XI в. начался процесс централизации, чему более других обстоятельств препятствуют континентальные владения английской короны. Больших успехов в борьбе с англичанами добился Филипп II Август, который объявил владения английского короля Иоанна II Безземельного во Франции конфискованными. Альбигойская ересь вальденсов и катаров процветала на юге в г. Альби. Она дала повод королю и католической церкви для начала крестовых походов, известных как Альбигойские войны. Изменяются формы государственного устройства, особенно преуспел в укреплении власти Людовик IX, получивший почётное имя Святой.

К началу XIV в., в правление Филиппа IV, складывается сословная монархия, созываются Генеральные штаты, орган сословного представительства. Усиление королевской власти вызывает сопротивление папства, претендующего на супрематию духовной власти над светской. В ходе конфликта на папский престол избирают креатуру французского короля. Папская резиденция переносится из Рима в Авиньон, что

положило начало 70-летнему Авиньонскому пленению пап. В первой половине XIV в. начинается Столетняя война Англии и Франции, поводом для которой послужили династические притязания английского короля Эдуарда III. В первый период войны ситуация сложилась трагически: англичане оккупировали Францию. В 70-х гг. в войне наметился перелом, французы постепенно вытесняют англичан с оккупированной ими территории.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.